

Юрий Васильевич Кондратюк

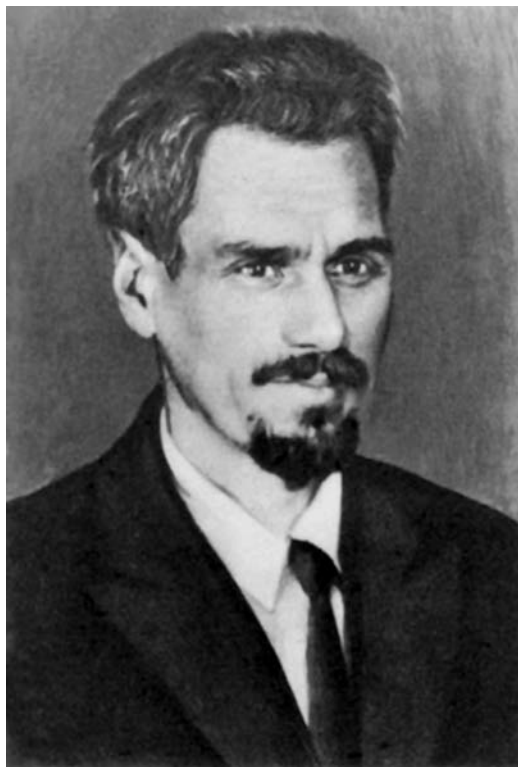
(К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Юрий (Георгий) Васильевич Кондратюк (настоящее имя – Александр Игнатьевич Шаргей; 1897–1942?) – один из основоположников теоретической космонавтики, ученый-самоучка, талантливый инженер и механик, с юношеских лет занимавшийся проблемой межпланетных полетов; пропагандист освоения космоса. Всю его творческую деятельность характеризуют грандиозность и необычность. Вслед

за К.Э. Циолковским он обосновал осуществимость космических полетов человека с помощью ракет на жидком топливе (Земля и Вселенная, 1997, № 6).

Судьба А.И. Шаргея удивительна и трагична, она полна загадок и домыслов; опубликованы лишь две его работы по космонавтике, до сих пор многие его рукописи не расшифрованы. А.И. Шаргей пропал без вести на фронте в годы Великой Отечественной войны. За свою жизнь этот гениальный человек не снискал ни признания, ни наград у себя на Родине – только в 1960-е гг. его заслуги были по достоинству оценены, и ученый стал известен во всем мире.

Александр Игнатьевич Шаргей родился 21 июня (9 июня по ст. стилю) 1897 г. в Полтаве (Российская империя, ныне – Украина). Мать, Людмила Львовна (в девичестве Шлиппенбах), – из дворян, получила прекрасное образование, работала учительницей географии и французского языка. Она происходила из древнего шведского рода: ее прадед – военачальник, участник Северной войны и Полтавской битвы, генерал шведской армии, перешедший на русскую военную службу, – генерал-поручик В.А. фон Шлиппенбах. В 2007 г. представители шведского рода Шлиппенбах рассмотрели все обстоятельства жизни ученого и приняли решение о его признании в качестве члена рода, предложив писать “Кондратюк–Шаргей–Шлиппенбах”. Людмила Львовна была убежденной революционеркой, входила в одну из подпольных организаций. Она вышла замуж за студента-еврея Игнатия Бенедиктовича Шаргея; ее семья не приняла этого брака и отвернулась от них.

Ю.В. Кондратюк. Начало 1930-х гг.

В Петербурге в тюрьме революционерка М.Ф. Ветрова в знак протеста против измышательства над ней царских тюремщиков, облив себя керосином, сгорела заживо. Это трагическое событие взволновало общественность. Начались студенческие демонстрации протеста и в Киевском университете, в которых участвовали отец и мать будущего пионера космонавтики. Людмилу Львовну арестовали и подвергли допросам, это подорвало ее психику. Здоровье продолжало ухудшаться, и через 5 лет она легла в психиатрическую лечебницу, там и умерла в 1910-х гг.

Жизнь отца – человека яркого и одаренного – складывалась непросто: переезды, переходы из одного учебного заведения в другое. Незадолго до рождения сына из-за политических беспорядков он был исключен из университета, ему пришлось уехать на учебу в Германию. Через 5 лет он возвращается в Россию и учится в Петербургском университете, покинув семью. В Петербурге И.Б. Шаргей вступил в гражданский брак с Еленой Петровной Гиберман (впоследствии у мачехи с маленьким Сашей установились теплые отношения). Летом 1910 г. новая семья приезжает в Полтаву погостить; уже тяжело больной, отец умирает. В три года Саша остается круглым сиротой. Трагическая судьба родителей повлияла на его характер – он рос не по годам серьезным и замкнутым, но порывистым и впечатлительным, часто вспоминал фантастические космические истории из книг, которые ему читала мать.

Саша воспитывался в семье двоюродной бабушки по отцовской линии – Екатерины Кирилловны (она была культурной и образованной женщиной, владела в Полтаве кустарным предприятием) и деда Акима Никитича Дадченко, получившего высшее образование и титул статского советника, работавшего сначала земским врачом, затем – начальником отделения в Полтавской казенной палате Министерства финансов. Детские и юношеские годы будущего ученого прошли в атмосфере украинского патриархального быта – несмотря на это, в то время Полтава оставалась городом высокой

культуры, где были библиотеки и театры, проводились концерты. В семье царил спокойная, теплая атмосфера; внука обучали арифметике, русскому и немецкому языку, естествознанию. Саша рано научился читать, он пользовался домашней библиотекой, читал приключенческую литературу, познакомился с фантастическими романами Жюль Верна. С 7 лет Саша занимается с опытными педагогами. Когда настало время идти в гимназию, то его приняли сразу в третий класс, поскольку мальчик продемонстрировал хорошую подготовку. В 1910–1916 гг. Александр учился во 2-й полтавской мужской гимназии с уклоном на преподавание точных наук и окончил ее с серебряной медалью. Во время учебы у него развились способности к исследовательской деятельности, так как в гимназии преподавали прекрасные учителя и она была превосходно оборудована (естественный, географический и физический кабинеты, три библиотеки) – это создавало условия для успешного обучения. Гимназисты самостоятельно проводили физические опыты, выступали с научными докладами, устраивали литературные и музыкальные вечера.

После окончания 6-го класса гимназии под впечатлением прочитанного в конце 1913 г. романа “Туннель” немецкого писателя-фантаста Б. Келлермана у него возникла потрясающая потаенная мечта – создать ракету для полета в космос. В этом романе шла речь о сооружении подводного тоннеля между Европой и Америкой по дну Атлантики. Александр был потрясен грандиозностью замысла, поначалу он хотел сделать что-нибудь такое же потрясающее – вглубь Земли, но для этого необходимы эксперименты, что было нереально; поэтому он увлекся проблемой межпланетных перелетов. В письме к К.Э. Циолковскому 1925 г. он пишет, что с этого возраста серьезно “заболел” космосом: *“Над вопросами межпланетного сообщения я работаю уже 12 лет. С 16-летнего возраста, с тех пор как я определил осуществимость вылета с Земли, достижение этого стало целью моей жизни”*. Для того, чтобы разобраться в проблемах

Вторая мужская гимназия и дворянский пансион в Полтаве. Открытка начала XX в.

ракетной техники, Александр в старших классах гимназии самостоятельно изучает высшую математику, физику и химию; изобретает различные механизмы, записывает в тетради свои первые космические проекты.

В сентябре 1916 г. А.И. Шаргей поступил на механическое отделение Петроградского политехнического института (ныне Санкт-Петербургский государственный политехнический университет), однако проучился там недолго, до ноября месяца. Его призвали в армию, так как, начиная с 1915 г. (во время Первой мировой войны), студенты первых курсов подлежали мобилизации. Он был зачислен в школу прапорщиков при одном из петербургских юнкерских училищ. Александр подал прошение об отсрочке от воинской повинности до завершения учебы, и оно было удовлетворено, но бумаги пришли в институт слишком поздно, его уже призвали на военную службу. Эта задержка сыграла роковую роль в дальнейшей судьбе ученого.

В течение почти трех месяцев учебы в Политехническом институте 18-летний юноша продолжил изыскания в направлении "завоевания мировых пространств". На полу маленькой комнаты в квартире мачехи он разворачивал огромные листы с аккуратно выполненными чертежами, ночами работал над своей первой рукописью теоретических расчетов. Им разработан план освоения космоса: *"испробовать действие приспособления для подъема за атмосферу, затем полет не особенно далеко от Земли – на несколько тысяч верст, потом полет на Луну без остановки, вокруг Луны и на Луну с остановкой..."*.

После февральской революции 1917 г., воспользовавшись месяцем относительной свободы, А.И. Шаргей набросал идеи в своем научном блокноте, состоящем из четырех тетрадей (104 страницы), которыми воспользовался позднее при написании рукописи "Тем, кто будет читать, чтобы строить",

Студент Петроградского политехнического института Александр Шаргей. 1916 г.

посвященной проблеме космических полетов.

После окончания юнкерского училища новоиспеченному прапорщику дали кратковременный отпуск, он несколько дней провел у бабушки в Полтаве. Отбывая на фронт, Александр оставил свои рукописи в Петрограде у мачехи, чтобы вернуться к научным исследованиям после войны. Побывав у родных, Александр уехал на Кавказский фронт военных действий; до демобилизации в марте 1917 г. он командовал пулеметным взводом.

Пока вместе с однополчанином и другом с детских лет Н. Скрынько они пробирались с Кавказа в родные места, здесь трижды сменилась власть. В конце мая 1918 г., несмотря на разгул насилия в стране, они все-таки пришли в Полтаву в потрепанной форме, в растерянном, подавленном состоянии. В городе еще были немцы, поэтому Александр скрывался у своего друга, опасаясь выходить

днем из дома. Целыми сутками он читал. Однажды, наткнувшись на статью К.Э. Циолковского, понял, что не он один придумал реактивный прибор для межпланетных путешествий. В своей творческой биографии он писал: "Достигнув в 1917 году в своей работе первых положительных результатов и не подозревая в то время, что я являюсь не первым и единственным исследователем в этой области, я на некоторое время как бы "почил на лаврах" в ожидании возможности приступить к экспериментам, которые рассчитывал получить реализацией изобретений, держа в то же время свою работу в строжайшей тайне, так как, учитывая с самого начала огромность и неопределенность возможных последствий от выхода человека в межпланетное пространство, я в то же время наивно полагаю, что достаточно опубликовать найденные основные принципы, как немедленно кто-нибудь, обладая достаточными материальными средствами, осуществит межпланетный полет".

Мачеха Е.П. Гиберман с дочерью в это беспокойное время переехала из Петрограда к родственникам в Киев. Узнав о работах К.Э. Циолковского, Александр решил ехать в более спокойное место – в Киев, чтобы продолжить начатые теоретические разработки. В смутные и трудные 1918–1919 гг. в Киеве ему пришлось работать репетитором, грузчиком, ремонтировать хозяйственную утварь и освещение.

В свободное время он переписывал начисто свой научный блокнот по космонавтике. Получилась рукопись на 143 страницах, автор снабдил ее предисловием и названием "Тем, кто будет читать, чтобы строить" (1918–1919). В ней, независимо от К.Э. Циолковского, он оригинальным методом вывел основное уравнение движения ракеты. В 30-ти разделах своего труда А.И. Шаргей рассмотрел оптимальные траектории полета, борьбу с перегрузками, устройство ракеты и ее основных агрегатов, возможные средства и приборы для управления полетом и навигации; выбрал автоматическую систему управления, включающую гироскопы, связанные

с исполнительными органами. Он привел схему, дополнив ее описанием четырехступенчатой ракеты на кислородно-водородном топливе, камеры сгорания двигателя с шахматным и другим расположением форсунок окислителя и горючего, параболического сопла. Александр предложил использовать сопротивление атмосферы для торможения аппарата при спуске на Землю с целью экономии топлива; при полетах к другим планетам – выводить корабль на орбиту его искусственного спутника, а для посадки на них человека (и возвращения на корабль) применить небольшой взлетно-посадочный корабль (предложение реализовано в программе “Аполлон”); использовать гравитационное поле встречных небесных тел для разгона (или торможения) космических аппаратов при полете в Солнечной системе (пертурбационный маневр). В этой же работе рассматривалась возможность использования солнечной энергии для

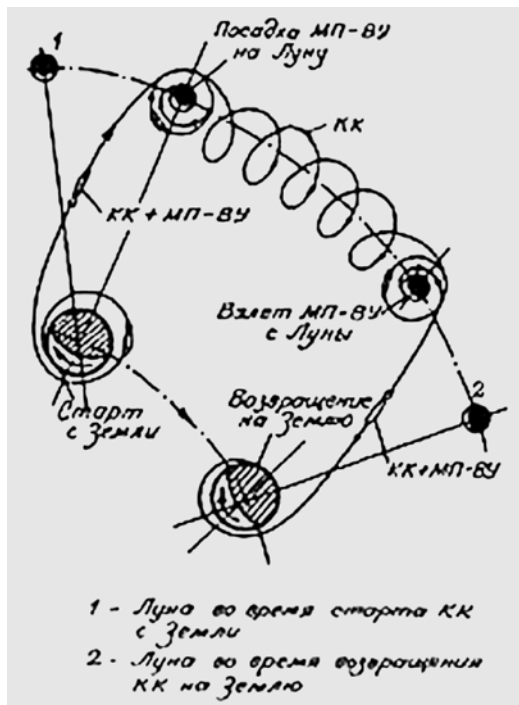

Схема полета на Луну по “трассе Кондратюка”.

Студент Киевского университета Юрий Кондратюк. 1920 г.

питания бортовых систем космических аппаратов, возможность размещения на околоземной орбите больших зеркал для освещения поверхности Земли.

Уже в этой ранней работе им были сделаны выдающиеся научные предвидения: предложена “спираль Кондратюка” – разгон от Земли с расходом минимального количества горючего и “трасса Кондратюка” – схема полета на другие планеты с помощью орбитального и посадочного модулей, используемых в современной космонавтике. Рукопись была опубликована лишь в 1964 г. в сборнике “Пионеры ракетной техники” по предложению С.П. Королёва.

Разгорелась Гражданская война. Являясь офицером царской армии, Александр в конце 1919 г. вновь попал под мобилизацию, но уже в Белую армию. Для того чтобы не воевать (так как он был против братоубийственной войны), по пути из Киева в Одессу он бежал из воинского эшелона, при этом

Ю.В. Кондратюк. 1926 г.

лишившись всех документов, которые отобрали у него при мобилизации. Он предпочел не появляться в Полтаве, где власть постоянно менялась, а скрываться у своего друга в занятом деникинцами г. Смела под Черкассами; работал там железнодорожным рабочим. После установления советской власти весной 1920 г. некоторое время скрывался на полулегальном положении у близких людей в местечке Малые Виски под Киевом, изготавливая мебель.

Когда большевики прочно обосновались у власти, Александр Шаргей понял, чем грозит ему прошлое царского офицера – это тюрьма или расстрел. Жизнь Александра и его близких постоянно находилась под угрозой, поэтому, чтобы обезопасить любимого пасынка от красного террора, мачеха уговорила его сменить фамилию. По ее настоянию, Александр Шаргей принимает документы на имя Георгия (в православии – Юрий) Васильевича Кондратюка, который родился 26 августа (13 августа по ст. стилю) 1900 г. в г. Луцке Волынской губернии (Украина);

учился в Киевском университете, а 1 марта 1921 г. скончался от туберкулеза легких. Его родной брат В.В. Кондратюк преподавал в одной из киевских школ, в которой училась сводная сестра Александра – Нина Игнатьевна Шаргей. Через нее Елена Петровна уговорила В.В. Кондратюка передать документы умершего брата Александру. На удостоверении студента киевского университета не сохранилось фотографии, поэтому А.И. Шаргей решил этим воспользоваться. Он наклеил свою и взял не только чужое имя, но и биографию. Под новой фамилией он прожил всю оставшуюся жизнь. Эту тайну знали всего несколько человек и хранили ее долгие годы; только в 1977 г. Н.И. Шаргей дала письменные показания специальной комиссии об обстоятельствах смены имени и фамилии ее сводным братом.

Жить под чужим именем – не менее опасно, чем без документов. На полулегальном положении Ю.В. Кондратюк работает на мельнице, затем кочегаром, механиком на сахарном заводе; помогает по дому приютившим его знакомых. Занять более высокую должность он не хотел, так как ему не хватало свободного времени для разработки теории космического полета, хотя и ощущал недостаток знаний из-за отсутствия технического образования. Путь к высшему образованию был закрыт, в учебные заведения принимали только детей рабочих и крестьян, поэтому Ю.В. Кондратюку пришла мысль отправиться на учебу в Германию – в Кобурге жили дальние родственники ученого по отцу. Летом 1922 г. он пешком отправляется в дорогу, так как на проезд денег не было, но его задержали на границе. Только осенью возвратился он в Малую Виску физически и морально истощенный, два месяца пролежав с тифом.

В течение трех лет Юрий Васильевич завершает рукопись задуманной книги по космонавтике: *«Настоящая работа в своих основных частях была написана в 1917 г., после чего трижды подвергалась дополнениям и коренной переработке... О существовании на ту же тему труда Циолковского автор узнал*

лишь впоследствии и только недавно (в 1925 г. – С.Г.) имел возможность ознакомиться с частью статьи “Исследование мировых пространств реактивными приборами”... и был отчасти разочарован тем, что основные положения открыты мною вторично, но в то же время с удовольствием увидел, что не только повторил предыдущее исследование, ...но и сделал также и новые важные вклады в теорию полета”. Осенью 1925 г. Ю.В. Кондратюк хотел опубликовать свою рукопись в каком-нибудь издательстве, для этого он отправляется в Москву. В Главнауке она была направлена на рецензию профессору В.П. Ветчинкину, через полгода книга получила положительный отзыв: “Предлагаемая книга, несомненно, представляет наиболее полное исследование по межпланетным путешествиям из всех, ранее написанных. Книга будет служить настольным справочником для всех, занимающихся вопросами ракетного

полета”. В заслугу автору ставилось то, что он смог самостоятельно “получить все результаты, достигнутые всеми исследователями межпланетных путешествий в совокупности”. Рецензент рекомендует перевести автора на службу в Москву, в научный центр. На полученный из Москвы запрос Ю.В. Кондратюк ответил согласием, хотя в дальнейшем он понял, что еще не настало время строительства больших ракет.

Перед молодым человеком встает дилемма: что для него важнее – научная деятельность без надежды на превращение его идей или зарабатывание на жизнь? После долгих лет мытарств, он решает в дальнейшем заниматься практическим делом в области народного хозяйства.

Вскоре молодой человек принимает приглашение Всесоюзного акционерного общества “Хлебопродукт” на работу механиком на Крыловский хлебный элеватор в станицу Октябрьская на

Дом, в котором в 1927–1928 гг. жил и работал Ю.В. Кондратюк. Камень-на-Оби, Алтайский край.

Комплекс зернохранилища “мастодонт”, построенный в 1929–1930 гг. по проекту Ю.В. Кондратюка в г. Камень-на-Оби Алтайского края.

Кубани. Пионер космонавтики занимается строительством зернохранилищ для того, чтобы обеспечивать себя и страну хлебом. Постоянно находясь в разъездах по служебным делам, он создает простые, удобные в обращении устройства и приспособления для механизации и автоматизации погрузочно-разгрузочных операций на элеваторе. В конце 1926 г. – начале 1927 г. Юрий Васильевич строит новый элеватор на Северном Кавказе, затем его приглашают на работу в Сибирь – сначала в Камень-на-Оби, а затем в Новосибирск. Там разворачивалось строительство крупных элеваторов. Ученый устраивается техником в Новосибирскую краевую контору “Хлебопродукт”, на протяжении трех лет он занимается строительством элеваторов и механизированных амбаров в населенных пунктах Алтая, где ему приходилось конструировать и делать всевозможные механизмы и приспособления. Многие годы использовалось на элеваторах, складах и мельницах самое крупное изобретение Юрия Васильевича – ковш

для сыпучих материалов. Особо впечатляет построенный в 1929–1930 гг. по его проекту и под его руководством в Камень-на-Оби механизированный элеваторно-складской комплекс, названный “мастодонт”. Комплекс включал в себя крупнейшее в мире деревянное зернохранилище на 10 тыс. т, длиной 60 м, шириной 32 м и высотой с пятиэтажный дом. Его конструкция имела оригинальное решение: каждое бревно “фиксирует” соседнее; несущие стены не имели ни одного гвоздя. В течение 50 лет уникальное детище Ю.В. Кондратюка служило людям.

Занимаясь строительством элеваторов, Юрий Васильевич никогда не забывал о космосе. Не имея инженерного образования, он постоянно приобретает необходимые знания, пользуясь технической литературой; его комната была завалена книгами. Весной 1927 г. Ю.В. Кондратюк заезжает в Москву к В.П. Ветчинкину для консультаций. Профессор согласился отредактировать для печати его рукопись, дополненную новыми идеями.

Владимир Петрович подчеркнул, что автор представил задачу *“...не в виде теоретических основ..., а в виде проекта, хотя и не детализированного, но уже с конкретными цифрами, осуществление которого вполне возможно и в настоящее время... после серии экспериментов, не представляющих каких-либо особых затруднений”*.

В январе 1929 г. в Новосибирске на собственные средства тиражом 2 тыс. экземпляров Юрий Васильевич издал книгу “Завоевание межпланетных пространств”. Экземпляр книги он послал К.Э. Циолковскому со словами: *“Я был чрезвычайно поражен, с какой последовательностью и точностью повторил не только значительную часть из Ваших исследований вопроса межпланетных сообщений... вообще мое мышление направлено и настроено так же, как и Ваше”*.

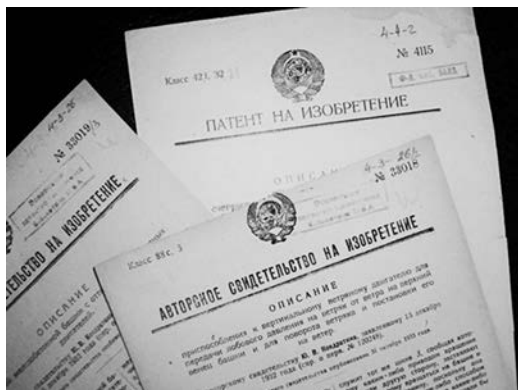
После издания книги у Ю.В. Кондратюка появилась надежда на практическое осуществление своих идей, изложенных в мае 1929 г. в письме известному ученому в области аэродинамики профессору Н.А. Рынину: *“Дальнейшая плодотворная разработка темы о межпланетном полете чисто теоретическими методами... невозможно, для меня, по крайней мере; необходимы экспериментальные исследования. Время и деньги для них... рассчитываю получить изобретениями в различных областях, в частности по роду моей работы в области элеваторной механики...”*, Юрий Васильевич обращается в центральные учреждения с предложением о создании специализированной организации для разработки проблем космонавтики. Но уже в марте 1930 г. он с огорчением писал в Калугу: *“Мое ходатайство об организации предприятия для питания средствами межпланетных исследований мытарствуется в Москве – пока безрезультатно”*.

В “Завоевание...” вошло 13 глав, в них описывается последовательность первых этапов освоения космического пространства. В частности, изобретатель предложил оснастить ракету крыльями для спуска в атмосфере, использовать для снабжения спутников на околоземной орбите

ракетно-артиллерийские системы (в настоящее время это предложение реализовано в транспортной системе по доставке на Международную космическую станцию расходуемых материалов с помощью КК “Прогресс”); создать на станции искусственное тяготение, организовать межпланетную базу, служащую перевалочным пунктом для полетов космонавтов в Солнечной системе. В отличие от предложений других теоретиков, он располагал свою “межпланетную базу” не на околоземной, а на окололунной орбите (Земля и Вселенная, 2015, № 5). Кроме того, в работе были исследованы вопросы отношений масс ракеты, химии топлива, использования солнечной энергии, жидкостных и электростатических двигателей; типы траекторий и способы управления полетом; действия атмосферы на ракету при возвращении космических аппаратов на Землю; их тепловой защиты. В последних главах автор касается перспектив освоения космоса и экспериментов. Разработчик космической техники летчик-космонавт профессор К.П. Феоктистов отметил прозорливость Ю.В. Кондратюка: *«Он предложил измеритель*

Ю.В. Кондратюк. Новосибирск, около 1930 г.

Авторские свидетельства на изобретения Ю.В. Кондратюка. 1930-е гг.

ускорения... – то, что было реализовано в первых же ракетах, – систему контроля топлива в баках... рассмотрел теплозащитное покрытие для возвращения в атмосферу и рекомендовал, как ни странно, углерод... И современная техника тоже пришла к углероду. Он видел главные технические моменты, формулировал объем основных, принципиальных исследовательских работ, которые нужно провести, чтобы добиться успеха...».

Академик Б.В. Раушенбах так оценил выдающийся труд Юрия Васильевича: «Никто из классиков того времени не представлял себе так четко, как он, начало космической эры. В чем отличие Кондратюка от других? Он первым связал воедино два вопроса: торможение в атмосфере и тепловую защиту экипажа. У других этого нет... Он первый сообразил, что в этих условиях нельзя управлять как самолетами... меня поражает до сих пор: и до него, и после все думали по-другому... Что поражает: именно так сделан «Союз» и другие американские и советские космические аппараты».

Любопытно, что в предисловии Ю.В. Кондратюк упоминает о нескольких главах рукописи, которые «слишком близки к рабочему проекту овладения мировыми пространствами – слишком близки для того, чтобы их можно было публиковать, не зная заранее, кто и как этими данными воспользуется». Неизвестные главы

книги до сих пор не найдены и вряд ли когда-нибудь будут обнаружены (если они вообще написаны!); судить о том, что там было в действительности, не представляется возможным. Сам автор утверждает, что он нашел способ достижения начальной скорости ракеты – 500–2000 м/с «...без расходования заряда и в то же время без применения грандиозного артиллерийского орудия». По его словам, он также «...пришел к весьма неожиданному решению вопроса об оборудовании линии сообщения с Земли в пространство и обратно, для осуществления которой применение такой ракеты, как рассматриваемая в этой книге, необходимо только один раз». Он указал, что многие предложенные им технические решения могут быть реализованы уже на достигнутом уровне развития техники, особенно американцами. Однако пришлось ждать еще несколько десятилетий для того, чтобы его предложения постепенно нашли применение в ракетостроении.

Хотя в 1947 г. книга была опубликована повторно издательством «Оборонгиз», она так и не получила широкой известности.

Казалось бы, человек много сделал – строил удивительные сооружения, получал патенты на изобретения, которые облегчали жизнь людей; занимался теорией космических полетов... Но, к сожалению, в отличие от других пионеров космонавтики, он вынужден таким «лишь способом заработать денег для дальнейших исследований в области выхода во внеземное пространство». Во-первых, он не имел возможности общаться с единомышленниками, не считая краткой переписки с К.Э. Циолковским (1925 г. и 1929–1930 гг.), но личного общения не получилось по разным причинам.

Постепенно информация о Ю.В. Кондратюке – талантливом сибиряке, как его называли после выхода книги, начала распространяться. Вскоре после выхода книги на нее появились положительные рецензии в советской и зарубежной печати: в частности, в немецком «Журнале авиационной техники и моторного полета» на нее опубликована восторженная статья-отзыв.

В конце июля 1930 г. Ю.В. Кондратюк вместе с несколькими другими сотрудниками “Хлебопродукта” был арестован и, не признав себя виновным, 10 мая 1931 г. осужден на три года лагерей по обвинению во вредительстве (Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Совета РСФСР своим определением № ОС-70–8 от 26 марта 1970 г. его реабилитировала). В одном из пунктов обвинения говорилось, что он строил элеватор “мастодонт” не только без чертежей (что само по себе являлось серьезным нарушением правил постройки), но и без гвоздей. Местное руководство пришло к выводу, что строение не выдержит такого количества зерна и развалится, погубив продукцию. Однако вместо лагерей Юрий Васильевич был привлечен к работе в образованном в Новосибирске специализированном бюро № 14 ОГПУ по проектированию угольных предприятий (пробраз будущих “шарашек”). Там он проработал до августа 1932 г., успев получить патент и авторское свидетельство по ряду специальных проблем в области горно-шахтного оборудования.

Еще работая в бюро № 14, Ю.В. Кондратюк ознакомился с условиями конкурса на эскизное проектирование

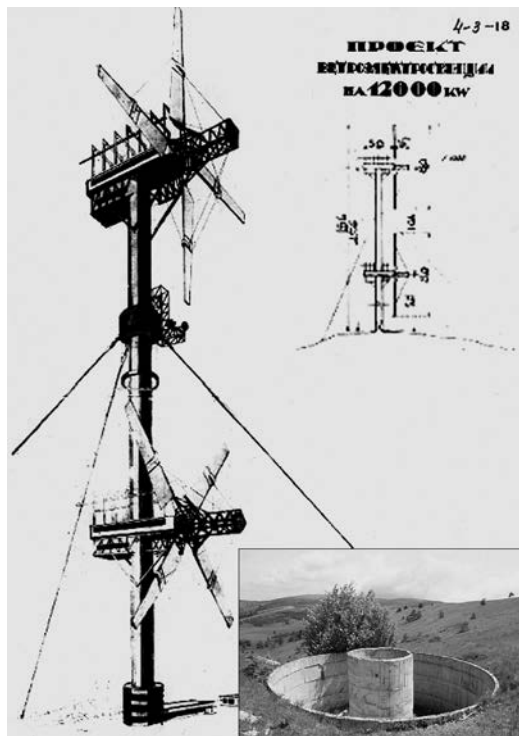

Ю.В. Кондратюк – научный руководитель проектирования и строительства Крымской ВЭС. Харьков, 1933 г.

мощной Крымской ветроэлектростанции (ВЭС), объявленного Наркоматом тяжелой промышленности. Проект станции был выполнен в соавторстве с районным инженером П.К. Горчаковым, а позднее к проекту присоединился известный архитектор, ученый в области строительных конструкций инженер Н.В. Никитин. Будущий создатель Останкинской телебашни в Москве позднее сказал: “Юрий Васильевич был самым талантливым инженером, которого мне пришлось встретить за всю мою жизнь”.

Эскизное проектирование ВЭС было завершено в ноябре 1932 г. По настоятельной просьбе Наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе в 1933 г. Юрия Васильевича досрочно вернули из ссылки; вскоре авторы проекта получили разрешение ГПУ на поездку в Москву. На конкурсе их проект был признан лучшим. В 1933–1934 гг. Ю.В. Кондратюк – научный руководитель группы по проектированию и строительству крупнейшей в мире Крымской ВЭС – работал в Харькове, в Научно-исследовательском институте промышленной энергетики.

К середине февраля 1934 г. техническая документация была окончательно доработана, затем была длительная экспертиза, и в конце 1936 г. на горе Ай-Петри в Крыму по подготовленным рабочим чертежам началось строительство фундамента грандиозной ВЭС по проекту Ю.В. Кондратюка. Два лопастных колеса, установленные на железобетонной трубчатой башне, высотой 165 м, были рассчитаны на подачу электрической энергии мощностью 12 тыс. кВт, давая 25 млн кВт/ч электроэнергии. Удалось построить только мощный опорный железобетонный “стакан”, который до сих пор сохранился. В феврале 1937 г. умер куратор и руководитель этого проекта Серго Орджоникидзе, стройку законсервировали, и в 1938 г. было принято решение о прекращении проектирования и строительства мощных ветроэлектростанций. В связи с этим в последующие два года Ю.В. Кондратюку пришлось заниматься проектированием малых опытных ВЭС в проектно-экспериментальной конторе треста

Проект гигантской ветроэлектростанции в Крыму (во врезке – ее фундамент). 1934 г.

Волгоэлектросетьстрой” Наркомата электростанций СССР в Москве. Инженерный талант Юрия Васильевича с блеском проявился в его последующих занятиях ветроэнергетикой. Отметим, что только спустя полвека человечество начало возвращаться к идее использования ветра в качестве экологически чистого источника энергии.

Весной 1933 г., во время очередной служебной командировки в Москву, Ю.В. Кондратюк дважды посетил Группу изучения реактивного движения. Начальник ГИРД С.П. Королёв хотел привлечь его к работам по ракетной технике, но Юрий Васильевич не воспользовался этим, твердо заявив, что в ближайшие годы не сможет этим заниматься, мотивируя отказ стремлением завершить проект ВЭС. Трудно объяснить такое поведение человека, с юношеских лет занимавшегося проблемами космонавтики и еще недавно

обращавшегося в государственные инстанции в стремлении перейти от теории к практике. Сотрудники ГИРД объясняли это нежеланием Юрия Васильевича заполнять анкету режимной организации – ведь тогда “вскрылось бы” его непростарское прошлое. Вероятно также, что его не устраивали проводившиеся в ГИРД “...весьма предварительные опыты”. Остались воспоминания тех, кто знал Кондратюка-Шаргея: *«Этот человек, видно, был из редкостных, одержимых натур – сам дух ненасытности играл в нем, дух постоянных, вечных исканий».*

К этому предвоенному трагическому времени относится обсуждение группой видных ученых и инженеров ходатайства (по просьбе В.П. Ветчинкина) перед Высшей аттестационной комиссией АН СССР о присуждении Ю.В. Кондратюку ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации по совокупности выполненных новаторских работ. Узнав о не объективном отзыве треста, который мог привести к аресту, Юрий Васильевич принял меры к сохранению своих рукописей. 2 июля 1938 г. он передал свой научный архив Б.Н. Воробьеву – историку авиации и космонавтики, редактору работ К.Э. Циолковского. В 1960 г. Б.Н. Воробьев передал их в Институт истории естествознания и техники АН СССР.

Возможно, Ю.В. Кондратюк еще долго плодотворно трудился бы на благо отечественной ветроэнергетики (или в какой-то другой области), если бы не начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война... 6 июля 1941 г. он записался в ряды народного ополчения и служил в роте связи 2-го стрелкового полка дивизии народного ополчения Киевского района Москвы (21-я дивизия народного ополчения). В ночь на 7 июля дивизия пешим ходом выступила из Москвы и отправилась на фронт. В течение трех месяцев бойцы строили оборонительные сооружения близ города Кирова (бывшая Смоленская, ныне – Калужская область), а 3 октября 1941 г. (к тому времени все народные ополченцы уже были зачислены в ряды Красной Армии, в состав 173-й стрелковой дивизии), там же при-

няли свой первый бой. Дальнейшая судьба Кондратюка–Шаргея не известна. Как и сотни тысяч других бойцов, он числится пропавшим без вести.

Тайну его дальнейшей судьбы пытались раскрыть множество раз. Первый раз им заинтересовались в 1942 г. в СМЕРШе (контрразведывательная организация СССР в годы войны); их больше всего интересовал вопрос – не попал ли Ю.В. Кондратюк в плен? Каких-либо данных на этот счет найти не удалось, поэтому Юрия Васильевича включили в список безвозвратных потерь Красной Армии. Второй раз его судьбой заинтересовались уже в послевоенные годы, когда Министерство обороны СССР проводило масштабную компанию по уточнению советских потерь в годы войны – ни в одном из списков погибших такой фамилии не нашли. В следующий раз выяснением “белых пятен” в биографии Юрия Васильевича занимались в середине 1960-х гг. – после того, как Комиссия АН СССР по наименованию образований на обратной стороне Луны выступила с предложением о присвоении имени Кондратюка одному из кратеров. К тому времени имя Юрия Васильевича уже было известно научной общественности, поэтому научные круги встретили данное предложение с энтузиазмом.

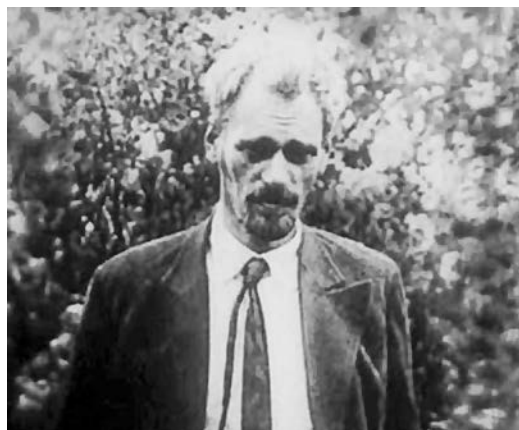
Вновь имя Ю.В. Кондратюка привлекло к себе внимание в марте 1969 г., когда в американском журнале “Лайф” Дэвид Шеридан опубликовал статью “Как идея, которую никто не хотел признавать, превратилась в лунный модуль”. В ней он подробно рассказал о том, как и почему американцы выбрали для программы “Аполлон” схему полета “по Кондратюку”. Эта идея была высказана инженером NASA Джоном Хуболтом в начале 1960-х гг., он же сказал, что Кондратюк–Шаргей умер в 1952 г. Руководивший работами по программе “Аполлон” Вернер фон Браун (Земля и Вселенная, 2017, № 4) рекомендовал поддерживать предложение Дж. Хуболта. Позже появились сведения о том, что решить эту сложную проблему помогла книга Ю.В. Кондратюка. Один из руководителей NASA, доктор Дж. Лоу, рассказал:

“Мы разыскали маленькую, неприметную книжечку, изданную в России. Ее автор обосновал и рассчитал энергетическую выгодность посадки на Луну по схеме “полет на орбиту Луны–старт на Луну с орбиты – возвращение на орбиту и стыковка с основным кораблем – полет на Землю”. Американский астронавт Нейл Армстронг специально побывал в Новосибирске, где набрал пригоршню земли у стен дома, где жил и работал Юрий Васильевич. Впоследствии Н. Армстронг сказал: “Эта земля для меня имеет не меньшую ценность, чем лунный грунт”.

Выяснением вопроса – погиб ли Ю.В. Кондратюк – занялись вначале 1980-х гг. его родственники, сослуживцы и энтузиасты. В 1988 г. его коллега по работе в тресте ВЭС и однополчанин Б.И. Романенко обнаружил переписку Юрия Васильевича с его любимой. Последнее письмо, полученное ею от Юрия Васильевича, было датировано 2 января 1942 г. Борис Иванович встречался с Ю.В. Кондратюком

Ю.В. Кондратюк. Москва, 1935 г.

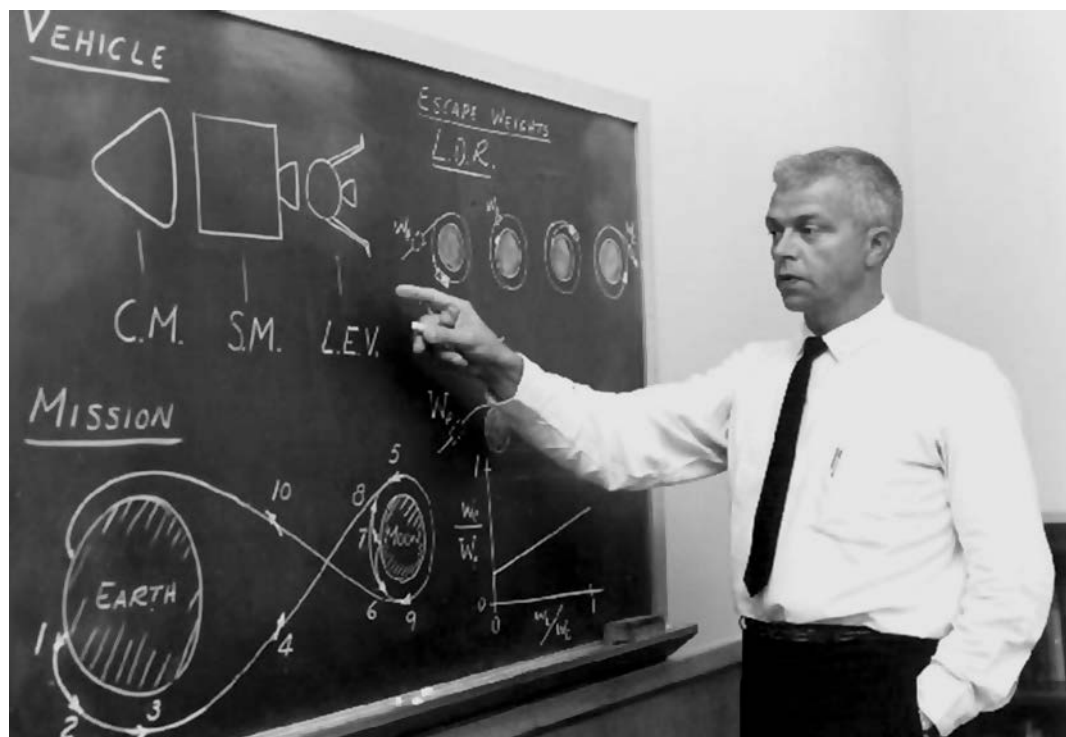

Предвоенная фотография Ю.В. Кондратюка.

незадолго до его исчезновения, эта встреча оставила неизгладимый след в его памяти, поэтому свою дальнейшую жизнь он посвятил изучению биографии ученого. В 1988 г. неутомимый

искатель Б.И. Романенко обнаружил две открытки Юрия Васильевича с фронта – значит, в начале 1942 г. он еще был жив. Начался долгий и кропотливый поиск. Бывший телефонист С.К. Дергунов официально дал показания, что Ю.В. Кондратюк погиб между 22 и 25 февраля 1942 г. На основании этих сведений "...рядовой 1281 стрелкового полка 60 стрелковой дивизии Юрий Васильевич погиб 25 февраля 1942 г. в д. Кривцово Болховского района Орловской области...". Новые свидетельства, которые удалось отыскать Б.И. Романенко в 1990 г., позволили уточнить дату и место вероятной гибели Ю.В. Кондратюка. Но это лишь последние сведения о нем...

Согласно другой версии, Ю.В. Кондратюк не погиб, а был взят в плен немцами (либо сам сдался в плен; вспомним, что он хорошо знал немецкий и намеревался попасть к своим родственникам в Германию) и впоследствии работал вместе с Вернером фон

Дж. Хуболт объясняет, как будет проходить полет к Луне по "трассе Кондратюка". Середина 1960-х гг. Фото NASA.

Памятник Ю.В. Кондратюку в г. Камень-на-Оби и мемориальная доска на доме в Санкт-Петербурге, где жил А.И. Шаргей в 1916–1917 гг.

Брауном по созданию баллистической ракеты “Фау-2”. В пользу этой версии свидетельствуют документы одного немецкого ракетчика, в которых упоминается какой-то человек по фамилии Кондратюк, с которым этому ракетчику пришлось работать. Вероятно, Кондратюк–Шаргей с новой фамилией был вынужден перебраться в США, где и работал по ракетной тематике. Странники данной версии привели факт обнаружения после войны в Пенемюнде рукописной тетради Юрия Васильевича с формулами и расчетами. Но каким образом она туда попала – загадка.

В 2014 г. в Аламогордо (штат Нью-Мексико, США) в Музее истории освоения космоса Юрий Кондратюк был принят в Галерею международной космической славы, теперь там 167 человек.

Вся жизнь и деятельность Ю.В. Кондратюка показана в документальных фильмах “Что в имени тебе моем?” (1987) и “Трасса Кондратюка” (2003).

Созданы музеи – в станице Октябрьской, на территории Крыловского элеватора (Краснодарский край) и в Новосибирске, где ученый работал в течение трех лет. По инициативе академика В.П. Глушко, в 1987 г. в Полтаве (Украина) был открыт Музей авиации и космонавтики им. Ю.В. Кондратюка, рядом установлен его памятник. В 1992 г. его имя присвоено Новосибирскому аэрокосмическому лицей, в 1997 г. – Полтавскому техническому университету. Благодаря исследовательской деятельности Б.И. Романенко, в 1997 г. был объявлен ЮНЕСКО “годом Кондратюка”. Его именем назван кратер на обратной стороне Луны, малая планета № 3084, площадь в Новосибирске и улицы в нескольких городах страны; открыты памятники, установлены памятные доски.

ГЕРАСИУТИН С.А.